

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2017 – № 2

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
THE EUROPEAN COUNTRIES'
POLITICAL ELITES**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №2 / 2017**

«Агентство научных изданий»

2017

УДК 327.8
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2017 / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2017 — (Журнал «Актуальные проблемы Европы»)

Анализируются процессы формирования и функционирования элитных групп в Западной и Восточной Европе, России. Исследуются национальные особенности рекрутирования, карьерные траектории, социальный профиль европейских политических элит, их взаимодействие с другими элитными группами.

УДК 327.8
ББК 66.2

© Коллектив авторов, 2017
© Агентство научных изданий, 2017

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
Трансформация постсоветских политико-административных элит	11
Элиты в Германии: исторические изменения и актуальные вызовы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Актуальные проблемы Европы № 2 / 2017. Политические элиты европейских стран

Сведения об авторах

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Avdonin V.S. – Leading researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (avdinunvla@mail.ru)

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Bitkova T.G. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Philology). (tgbitkova@mail.ru)

Вершинина Дарья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

Vershinina D.B. – Assistant Professor, Perm State University, Ph.D. (History). (daryapros@yandex.ru)

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Gordon A.V. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (gordon_alexandr@mail.ru)

Дука Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Duka A.V. – Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, RAS (St. Petersburg), Ph.D. in Politics. (a_duka@mail.ru, alexander-duka@yandex.ru)

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lapina N. Yu. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (lapina_n@mail.ru)

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lykoshina L.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (lykoshina.lara@yandex.ru)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Khenkin S.M. – Professor of political science in MGIMO University, Leading researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (sergkhenkin@mail.ru)

Хоффманн-Ланге Урсула – доктор политических наук, профессор политологии, Университет г. Бамберга (ФРГ).

Hoffmann-Lange Ursula – Professor of political science in Otto-Friedrich-University of Bamberg, Doctor of political sciences. (Ursula.hoffmann-lange@uni-bamberg.de)

Щербакова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Scherbakova Yu.A. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (History). (juli.bak@mail.ru)

Введение

Политическая элита – это высший, привилегированный класс, который осуществляет функцию управления в обществе. Ее представители вырабатывают, принимают политические решения и контролируют их исполнение. У политической элиты есть и другие функции. Элиты, писал К. Манхейм, выступают в качестве агентов стабилизации и институционализации¹. Обладая знаниями и компетенцией, политическим видением и ресурсами, они формируют общественные институты. «Институционализирующий институт» общества – так элиты определяются российскими социологами, которые особое внимание уделяют той роли, которую политические акторы играют в процессе формирования институтов и норм, по которым живет социум². Характер политической элиты и ее особенности, механизмы формирования, карьерные траектории, бассейны рекрутирования определяют характер социальной мобильности, свидетельствуют об открытости или закрытости общества, его способности или неспособности к динамичному развитию. Анализируя деятельность элиты, мы лучше понимаем, как трансформируется социум, изменяются существующие и создаются новые политические институты.

Настоящий выпуск «Актуальных проблем Европы» посвящен элитам современной Европы. Авторы интересовались, что собой представляют политические элиты европейских стран и как они функционируют. В статье представлен опыт стран с развитыми демократическими институтами и традициями (ФРГ, Франция, Великобритания) и стран, в которых в последние десятилетия происходили глубинные общественные трансформации.

В Испании становление демократических институтов и возникновение новой политической элиты стало возможно после ухода с политической сцены Франко, в Восточной Европе – в результате демократических революций конца XX столетия, в России – после распада СССР (1991). В трансформирующихся обществах политические элиты стали главными акторами переходного периода.

В последние десятилетия и в стабильных, и в трансформирующихся обществах в структуре элиты произошли масштабные изменения. В «старых» демократических странах элита становилась более диверсифицированной по своему социальному составу, она молодела, в ней росло представительство женщин. Многие изменения происходили под влиянием институциональных преобразований. В рамках ЕС в 1975–2006 гг. были утверждены директивы в отношении гендерного равенства. С начала 2000-х годов во Франции, Великобритании, Испании были приняты законы, которые стимулировали продвижение женщин в политику и власть. В последнее десятилетие состав политической элиты Великобритании также обновился за счет этнических и сексуальных меньшинств (статья Д.Б. Вершининой). Странам «новой» демократии еще предстоит преодолеть гендерное и другие виды неравенства.

Для Испании и бывших социалистических стран центральной проблемой последних десятилетий стало формирование «новой» политической элиты и ее взаимоотношения со «старыми» элитными группами. В Испании непримиримым противником – франкистской элите и «новой» политической элите – удалось достичь договоренности. В 1977 г. были подписаны «пакты Монклоа», предполагавшие углубление демократических реформ и ставшие символом национального примирения.

Сопоставляя опыт стран Восточной Европы и России, исследователи приходят к выводу, что в России в процессе постсоветской трансформации позиции номенклатуры оказались

¹ Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. – М.: Юристъ, 1994. – С. 313.

² *Региональные элиты Северо-Запада России: Политические и экономические ориентации* / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 53.

достаточно стабильными, а ее представителям удалось сохранить позиции в высшем руководстве страны³. Другого, неноменклатурного пути формирования постсоветской элиты в России не было, поскольку в недрах советского строя альтернативной элиты не существовало⁴. С социальным составом современной элиты исследователи связывают успехи и неудачи общественной трансформации в России, особенности того политического режима, который сложился четверть века спустя после начала реформ.

Для одних авторов «интеграция советской номенклатуры во властные и экономические институты современного российского общества позволила избежать социальных катаклизмов и обеспечила относительную плавность перехода от режима государственного социализма к современному обществу»⁵. Для других номенклатурное происхождение российской элиты и слабое обновление элитного слоя обусловили «незавершенность» российской революции и в целом «трагедию российской демократии»⁶.

Ситуация в странах Восточной Европы напоминает классическое «соперничество элит». Давление со стороны оппозиции и гражданского общества способствовало значимому обновлению элитного слоя. В Польше и Чехии еще в советское время сформировалась влиятельная альтернативная элита. В результате демократических революций ее представители получили доступ к власти. В восточноевропейских странах номенклатуре, даже если и удавалось удерживать элитные позиции, нередко приходилось менять «амплуа», конвертируя политический капитал в экономический. Ограничением на пути возвращения бывших партийных функционеров и руководителей органов госбезопасности в органы государственной власти стали законы о люстрации (Чехия, Польша, Венгрия, ФРГ – применительно к восточным землям).

При этом взаимоотношения «новой» и «старой» элит в странах Восточной Европы носили в основном консенсусный характер. В Румынии «новая» элита «вобрала» в себя реформаторски настроенную номенклатуру коммунистической партии, бывших руководителей социалистической экономики. В ее состав вошли диссиденты и известные деятели культуры (статья Т.Г. Битковой). Парадоксальная ситуация сложилась в Чехии. Несмотря на сильные антикоммунистические настроения и наличие диссидентского движения, в стране сохраняется влиятельная коммунистическая партия. Ее представители заседают в парламенте Чешской Республики, они сильны в органах власти на местах. Этот феномен поражает исследователей, которые не всегда могут дать ему адекватную оценку (статья Ю.А. Щербаковой).

Особый вариант элитной трансформации пережила ГДР. Объединение Германии происходило «под знаком западногерманского доминирования», восточногерманские земли приняли институты, существовавшие в ФРГ (статья У. Хоффманн-Ланге). На элитном уровне наблюдался феномен, который в ФРГ получил наименование «элитного трансфера». Из-за нехватки подготовленного персонала в восточногерманские земли направлялись западногерманские руководящие кадры второго уровня. Говорить о том, что соединение двух элит носило консенсусный характер не приходится, поскольку в восточных землях эта политика была воспринята как «западная колонизация». Острее всего ее ощутили на себе политики, представители СМИ, лица, занятые в сфере общественных наук.

В Польше возникла элита, в которую вошли представители «новых» и «старых» элитных слоев. Несмотря на неоднородность, ее представителей объединяло признание «общих правил игры» в политике. Однако уже к 2005 г. идея компромисса с коммунистами была поставлена

³ Еринова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Заславской Т.И., Арутюнян Л.А. – М., 1994. – С. 151–155.

⁴ Berelovitch A. *Les élites politiques en Russie: Changement et continuité* // *Ex-URSS: Les Etats en divorce* / Sous la dir. de R. Berton-Hogge, M.-A. Crosnier. – P., 1993. – P. 77–89.

⁵ Лапина Н.Ю. *Формирование современной российской элиты* / РАН. ИНИОН. – М., 1995. – С. 54.

⁶ Росс К. *Федерализм и демократия в России* // *Полис*. – М., 1999. – № 3. – С. 18.

под сомнение. На выборах победили «бескомпромиссные» политики, которые требуют продолжения радикальных чисток (статья Л.С. Лыкошиной).

Опыт Польши заставляет задуматься не только над судьбой политической элиты. В последнее десятилетие в Польше политика демократизации сменилась традиционалистским поворотом. Пришедшая к власти праворадикальная часть элиты под флагом возвращения к ценностям патриотизма, семьи, церкви стремится к устранению политических конкурентов с государственной сцены.

В России трансформация властной элиты не завершилась. «Это связано с переходными процессами в обществе и сравнительно небольшим временем институционализации новых властных групп». В институциональном и структурном отношении в российской элите доминирующее положение занимает высшая административная элита, осуществляющая авторитарную интеграцию и консолидацию. Как и в ряде других постсоветских стран, в РФ отчетливо просматривается сплетение экономической, административной и политической элит (статья А.В. Дуки).

Национальные и исторические особенности накладывают отпечаток на процессы развития и функционирования элит. Национальная модель элиты сложилась во Франции. По своему характеру она вертикальная: важнейшие решения, включая карьерные, принимаются «наверху» – партийным руководством. Французские политики – долгожители во власти, чему способствовал существовавший до недавних пор механизм совмещения выборных мандатов. Во Франции из элиты не уходят, об этом говорят многие политики, об этом пишут исследователи (статья Н.Ю. Лапиной). И в этом отношении французская элита отличается от немецкой, где три выборных мандата – это своеобразный предел для политика. Британский парламент, несмотря на рост представительства в депутатском корпусе женщин, этнических и сексуальных меньшинств, остается элитарным, закрытым учреждением. Во многих странах подтверждается верность правила, сформулированного Патнэмом: на высших этажах властной иерархии, как правило, оказываются представители привилегированных классов.

Прошлое дает о себе знать и в странах Восточной Европы. Как показывает опыт этих стран, создание новых политических институтов, утверждение демократических процедур далеко не гарантируют *автоматического перехода к демократии*. Исторически утвердившиеся социальные практики оказываются сильнее институтов и сливаются с ними. Румынское общество в начале XXI в. функционировало, как и в годы правления Чаушеску, на основе неформальных отношений. И лишь в самые последние годы в стране развернулась масштабная борьба с коррупцией, которая дает первые результаты.

Страны Западной и Восточной Европы имеют разную историю и традиции. Но есть нечто общее, что их объединяет. С начала XXI столетия в Западной и Восточной Европе остро ощущался кризис политических институтов, росло недоверие к политикам, которых рядовые граждане всё чаще критикуют, считая коррумпированными и эгоистичными. В восточноевропейских странах «усталость от демократии», говоря словами франко-чешского аналитика Ж. Рупника, наступила быстро – потребовалась всего лишь четверть века. Разочарование в демократии отчасти свидетельствует о том, что демократия – это сложный политический механизм, требующий длительных процедур согласования, готовности политических акторов к компромиссам. Утверждение принципов политической демократии зависит от социально-экономического контекста. В послевоенный период демократия в европейских странах утвердилась благодаря тому, что простые граждане смогли воспользоваться плодами государства всеобщего благосостояния. Сегодня экономический кризис становится ощутимым препятствием на пути утверждения демократии в обществе.

Вызовом для демократии в странах Западной и Восточной Европы стало появление на политической арене новых политических движений. Всё чаще в странах «новой» и «старой» демократии на лидерство претендуют популисты, правые националисты. Во многих стра-

нах Европы усиливается восхищение сильными лидерами, растет соблазн управления авторитарными методами. Из этой ситуации существуют разные выходы. В Венгрии, как считает Б. Мадьяр, автор книги «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства», на основе доминирования одной партии возникло «мафиозное государство»⁷, для которого характерны nepoтизм и клиентелизм. В последние годы в польской политике усилились консервативные тенденции. Но «традиционалистский поворот» вызывает глубокий общественный протест. «В 1990-е годы, – отмечает социолог И. Панков, – поляки восприняли демократию как должное. Сегодня польское общество осознает, что за демократию надо бороться»⁸. В Польше создан Комитет защиты демократии, действуют оппозиционные СМИ, организуются многотысячные митинги в защиту прав человека. В этих условиях судьба европейской демократии во многом будет зависеть от того, удастся ли политической элите сохранить верность «демократическому пакту» и не перешагнуть за красную линию, а обществу отстаивать демократию.

Н.Ю. Лапина

⁷ Мадьяр Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии.* – М.: НЛО, 2016.

⁸ Из беседы с автором. – 13.11.2016.

Трансформация постсоветских политико-административных элит

А.В. Дука

Аннотация. Рассматривается проблема институционализации российских элит после крушения государственного социализма. Анализируется институциональный, структурный и персональный аспекты данного процесса.

Abstract. Looking at the institutionalization of Russian elites after the collapse of state socialism in the country, the author analyses the institutional, structural and personal aspects of this process.

Ключевые слова: Россия, властные элиты, институционализация, трансформация, рекрутирование, коррупция, плутократия, олигархия.

Keywords: Russia, power elites, institutionalization, transformation, recruiting, corruption, plutocracy, oligarchy.

Институционализация элит

Проблема трансформации постсоветской элиты тесно связана с процессом возникновения новых институциональных порядков и, соответственно, институционализации новых властных групп в России. Другими словами, властные группы, находясь внутри процесса социальных изменений, вынуждены, подчиняясь потоку исторических изменений, сами изменяться, становясь качественно новыми. Они из социалистической номенклатуры превращаются в элиту современного капиталистического общества и одновременно пытаются не только приспособиться, но и приспособить обстоятельства и общественные (под)системы к своим интересам и своему новому положению. Не все получается, номенклатура несет потери, кем-то и чем-то жертвует. Но как определенная социальная группа, управляющая обществом, она, трансформируясь, выживает и побеждает. В этом отношении дискуссия о циркуляции или воспроизводстве властных элит в процессе постсоциалистического транзита [Szelenyi, Szelenyi, 1995] решается в пользу синтетического подхода. В более традиционном варианте речь может идти о сочетании циркуляции и репродукции (см., напр.: [Higley, Lengyel, 2000]). Мне представляется, что, скорее, обе тенденции выступают сторонами трансформации. Этот процесс в определенной степени объективный, но в нем велико субъективное начало.

Анализ целесообразно начать с определения объекта исследования. Определение элиты Дж. Хигли и М. Бёртона вполне подходит в качестве исходной точки: «Политические элиты могут быть определены как *персоны, способные в силу их стратегических позиций во властных организациях и движениях оказывать влияние на политические результаты регулярно и устойчиво*» [Higley, Burton, 2006, p. 7]. Данное определение содержит характеристики властных групп, функционирующих в сложившемся и воспроизводящемся обществе, что связано с установившимися социальными институтами, структурами и отношениями. Общество, находящееся в процессе кардинальных изменений, не имеет устоявшихся институтов – они только возникают, и группы, стремящиеся контролировать создающиеся институты, стремятся, участвуя в их создании, завладеть ими и закрепиться. Борьба за власть и выживание на вершине становятся существенной доминантой их поведения. Процесс институционализации связан со становлением устойчивости положения и элитных характеристик. Отсюда можно предположить, что объективные *цели персон*, стремящихся к власти и к членству во властном сообществе, будут заключаться в следующем.

Во-первых, *занять* стратегические позиции. В условиях общественной трансформации эта цель реализуется параллельно с созданием новых институтов и, возможно, реформированием существующих. Но в любом случае речь идет о новых институциональных порядках.

Во-вторых, *контролировать* организации и движения. Очевидно, что не все старые организации исчезают. Поэтому активность должна быть направлена на них, а также на создание новых. Альтернативные и неконтролируемые организации и движения для становящейся элиты могут представлять потенциальную опасность, отсюда возникает задача по их ослаблению или уничтожению.

В-третьих, *создать* структуры эффективной деятельности, включая: структурирование социальных, политических, экономических и культурных подсистем с целью привести их в соответствие с интересами, целями и активностью персон и групп, находящихся «наверху»; а также систему подготовки и образования. Это естественным образом связано с тем, что возможное влияние на политические результаты зависит от характеристик общественных (под)систем и индивидов, участвующих в их функционировании.

В-четвертых, *стабилизировать* систему организаций и институтов, наиболее важных с точки зрения принятия решений, их исполнения и контроля, а также правила их функционирования. Помимо этого, необходимо установить формальные и неформальные нормы деятельности политических акторов всех уровней, включая внутриэлитные взаимоотношения.

В-пятых, *обрести союзников* и социально-политическую поддержку у населения и значимых социальных групп. Это в значительной степени связано с представительностью элиты. Дж. Сартори различает три вида представительства: юридическое, социологическое и политическое [Sartori, 1968; Rao, 1998]. Первый предполагает деятельность кого-либо в чьих-то интересах по контракту или мандату. Второй вид связан с приписыванием представительства ввиду принадлежности индивидов к той или иной социальной группе (национальной, профессиональной, половой, возрастной, религиозной и т.п.). Третий, могущий включать предыдущие, связан прежде всего с ответственностью за охрану и реализацию определенных интересов социальных групп. Институционализация (конституирование) представительства интересов социальных групп связана с устойчивым, регулярным отстаиванием, продвижением определенных интересов. И тем самым эти группы получают поддержку, но и властные инстанции, и группы также поддерживаются своими «подопечными».

В-шестых, *легитимизировать занимаемые позиции* и свое место в них. «Объект имеет политическую легитимность, если и только если он морально оправдан в обладании политической властью, где обладание политической властью выступает попыткой использовать монополию (в рамках юрисдикции) в применении и в ведении законов. Характер монополии важен, если мы отделяем политическую власть от простого принуждения» [Buchanan, 2002, p. 689–690]. Для становящихся элит этот принцип имеет принципиальную важность. Тем более это существенно для российской социальной системы, где монополия зачастую воспринимается как естественная характеристика социальных и политических порядков.

Реализация этих целей приводит определенные группы к властным позициям, а также к снижению неопределенности и непредсказуемости в активности политических элит. Это с точки зрения субъективно мотивированных действий. Однако было бы неверно абсолютизировать целерациональные действия и мотивы групп доминирования. Задача может не формулироваться как определенный план. Но в ходе продвижения во власть и закрепления в ней стремящиеся к этому группы и индивиды вынуждены решать изложенные выше задачи. В более общем плане со стороны внешнего наблюдателя процесс институционализации и трансформации новых властных групп может быть рассмотрен в трех аспектах (измерениях): институциональном, структурном, персональном. Существует еще важное культурное измерение, но здесь оно не рассматривается. Содержательно институционализация элит может быть разделена на два больших периода – до 2000 г. и после, что укладывается в логику постсоветской истории.

Фон и контекст

Базовым фактором, влияющим на процессы институционализации властных элит, остается социетальная неопределенность, постепенно снижающаяся в последние годы. Сущностно эта неопределенность характеризуется неустойчивостью и нефиксированностью вектора социального, экономического и политического развития страны на фоне глубокого кризиса и разрушения прежних институциональных и структурных оснований российского общества. При этом постоянно делались заявления о путях развития России со стороны различных групп, осуществлявших и осуществляющих контроль над институтами власти. Суть их сводилась в основном к ориентации на «построение» капиталистического, демократического, социального общества, что, собственно, и зафиксировано в Конституции Российской Федерации. В последние два года ситуация усугубляется сочетанием экономического кризиса и конфронтацией со странами Запада.

В докладе Всемирного банка 2014 г. фиксировалось, что в РФ сохраняются неустойчивость институциональной среды, непоследовательное применение законов и подзаконных актов; глобальные показатели государственного управления (по методике Всемирного банка) демонстрируют слабую эффективность государственной политики [Доклад об., 2014, с. 49–50]. Через два года эксперты отмечали: «Неопределенность экономической политики стала ключевым фактором, сдерживающим инвестиции и потребление» [Доклад об., 2016, с. 57]. Помимо этого, «на фоне падения цен на нефть вскрылись серьезные недостатки действующей модели экономического роста в России», и «перед Россией по-прежнему стоят серьезные структурные ограничения и накопившиеся за долгое время препятствия для повышения конкурентоспособности экспорта» [там же, с. 8–9].

Существует определенный парадокс. Элиты выступают агентами стабилизации, упорядочивания и институционализации [Манхейм, 1994, с. 313; Ахиезер, 1998, с. 346–347; Тоффлер, 1999; см. также: Keller, 1968]. Но, не будучи сами институционализированными, как они смогут стабилизировать ситуацию и систему? В России эта проблема усугубляется длительным состоянием общественной неопределенности и нестабильности, которая фактически длится последнюю четверть века.

Возможный ответ (гипотеза) состоит в том, что в таких условиях стабилизация возможна через ограниченную рецессию. Возврат к некоторым *формам* прошлого и ориентация в процессе рекрутирования во властные структуры на персон, отстаивающих принципы такого *рецессионного (ретроградного) консерватизма*, оказывается наименее затратным для системы. Формальная приобщенность к прошлому, помимо прочего, может в условиях продолжающейся нестабильности выполнять важную функцию легитимации, апеллируя к «положительным» чертам предыдущего состояния общества (среди которых стабильность – наиважнейшая) и забвению признаваемых негативных черт⁹. Необходимый аспект институционализации – приобретение ценности [Хантингтон, 2004, с. 32], как раз и составляет основание легитимности. Причем, вполне вероятно, что в определенной степени для самих элитных групп данный вариант институционализации не является вопросом выбора. «Встреча» системных требований и людской деятельности происходит вполне естественно. Индивиды и система находят друг друга, поскольку взаимодействуя выживают. Именно в связи с этим процессом исследователи характеризуют происходящее как «реноменклатуризацию», «инволюцию» [Трансформация старой..., 1996, с. 291; Магомедов, 1994, с. 112; Podgoreck, 1994].

⁹ Кроме того, верно заметил Поль Рикёр: «Общество не может жить в бесконечном гневе против самого себя» [Рикёр, 2004, с. 693–694].

Здесь необходимо сделать некоторые методологические уточнения. Во-первых, «система» здесь рассматривается не персонифицировано и не антропоморфно. Под ней имеется в виду сложившаяся совокупность взаимоподдерживающих институтов, практик, культурных образцов, обеспечивающих воспроизводство социума. В определенном смысле она действует безлично, посредством сложившихся формальных и неформальных норм, включая традиции и обычаи. Одновременно, поскольку институты персонифицированы в ролях, выполняемых конкретными индивидами, система выступает как совокупность организованных (не всегда рефлексивных по этому поводу) индивидов и групп. Но действие их в значительной степени деперсонифицировано. На уровне обыденного дискурса это может выражаться следующим образом: «сработался – не сработался», «подошел – не подошел», «соответствует – не соответствует» и т.п. Существенным обстоятельством является длительный социально-экономический кризис и его влияние на потенциальный бассейн рекрутирования региональных и федеральных элит.

Помимо этого, существуют и очень важные внешние факторы. В первое десятилетие существования новой России было очевидно стремление властной элиты вписаться в глобальный мировой порядок, не претендуя на первые роли. Эта политика встраивания российских элит в западный мир (глобализационную систему управления) началась еще при М.С. Горбачеве, продолжилась при Б.Н. Ельцине и раннем В.В. Путине. Примерно с 2004 г. ориентация несколько изменилась, что было связано, скорее всего, во-первых, с отсутствием интереса со стороны Запада в интеграции российской элиты и России в евро-атлантическое сообщество на равноправных основаниях и, во-вторых, с недооценкой западными партнерами интересов России и российской элиты на постсоветском пространстве. Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. явилась своеобразным Рубиконом. Также российские властные группы очень болезненно восприняли активное стремление «демократического Запада» стимулировать изменения во внутренней политике страны. Отечественные элиты остро реагируют на обстановку в государствах – бывших республиках СССР и на действия западных держав. Стремление избежать массовых выступлений – «цветных революций» и страх оказаться слабее Запада в военно-политическом отношении существенно влияют на решения по институциональному дизайну политической сферы. Еще одно обстоятельство усиливает значение внешнего фактора. Это то, что можно было бы назвать смысловым диссонансом. Как отмечает А. Роксборо, «способность русских и американцев говорить наперекор друг другу поражает. Русские не могли понять, почему их поведение дома заставляет соседей бояться их. Американцы и их союзники не смогли увидеть, что русские огорчены навязываемой им ролью потенциального агрессора. Два саммита НАТО 2002 г. были расценены как окончание холодной войны. На самом деле они лишь помогли раздуть ее угли и начать новую. На взгляд из Москвы, старый ”железный занавес“, висевший поперек Европы, оказался заменен новым – и намного ближе к их дому» [Роксборо, 2012, с. 117]. В 2010-х годах процесс, получивший название «национализации элит», усилился и принял форму государственной политики. В последнее время обострение отношений с Западом в связи с кризисом на Украине, а также в связи с геополитическим столкновением на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, привело к принятию ряда изоляционистских мер и дальнейшей авторитаризации российского политического режима.

Институциональное измерение

В институциональном отношении трансформация российской элиты была связана с тремя кардинальными институциональными изменениями: во-первых, переходом от монополии коммунистической партии к советской республике в 1991 г., во-вторых, переходом от советской парламентской республики к президентской республике в 1993 г. и, в-третьих, трансформацией президентской республики в суперпрезидентскую республику в начале 2000-

х годов. В ходе этих институциональных переходов шла острая борьба фракций элит за институциональный дизайн и доступ к ресурсам.

Завершившаяся монополия КПСС на власть как результат неудавшегося путча августа 1991 г. привела к краткосрочному периоду парламентской советской республики. Однако от «чистой» советской власти возникший режим отличался наличием претендующей на главенство административной вертикали во главе с президентом. Проблема заключалась в претензии представительной власти, Советов, быть основным властным институтом и по Конституции, и в реальности. Президент, опираясь на тот же источник власти – народ, стремился обосновать свою большую, чем парламент, легитимность. В период обострения отношений между президентом и Верховным Советом осенью 1992 г. Б.Н. Ельцин заявил: «Пора власть употребить. И действовать». На вопрос главного редактора «АиФ»: «Но ведь существуют законы, действующая, хотя и старая, Конституция?» – президент ответил: «Я давал клятву НАРОДУ служить. Народу, а не кому-то еще...» [Ельцин, 1994, с. 193]. Здесь примечательно, что законы рассматриваются как нечто вторичное и неважное, фактическая легитимация произвола осуществляется через апелляцию к народу, от которого получен мандат на правление – типично популистский дискурс. Аналогичная ситуация сложилась и в части российских регионов. Конфронтация Советов и администраций дополнялась вмешательством представителей президента. Надо отметить, что далеко не всегда legislatures и главы администраций представляли разные политико-идеологические лагеря. В большинстве регионов администрация и депутаты были в прошлом членами Коммунистической партии, часть из них принадлежала к номенклатуре. Верховный Совет и его руководство были сторонниками Б.Н. Ельцина в его противостоянии путчу и союзным властям, включая М.С. Горбачева. В основе конфликта был вопрос о распоряжении общественными ресурсами. Формой его разрешения стала игра с нулевой суммой. Логика и существо конфликта между союзным центром и М.С. Горбачевым, с одной стороны, и российской республиканской властью и Б.Н. Ельциным, с другой стороны, воспроизвелись в Российской Федерации. В дальнейшем в различных вариантах борьба за ресурсы при политическом уничтожении оппонентов стала главным элементом российской политики. Основанием такого положения была фундаментальная характеристика советской политической культуры, берущая начало в революционной бескомпромиссности. Д. Лэйн в связи с этим обстоятельством отмечал: «В отличие от демократического перехода, основывающегося на переговорах, коллапс СССР явился следствием фрагментированной и сильно разделенной политической элиты, у которой не было политического и морального единства» [Lane, 1996, p. 4]. Что и породило особенности формирования новых властных групп.

Подавление путча создало предпосылки государственного переворота, совершенного в этом же году частью республиканских элит и закончившегося распадом Советского Союза. Однако этот акт был не вполне завершенным. Ельцину его сторонники предлагали сразу же распустить Советы и провести выборы в новые представительные органы власти. Однако это создавало слишком сильную неопределенность. Не было очевидно, что новые legislatures, получив «демократическую» легитимацию, поддержат президента и предлагаемые им реформы, тем более что еще в августе 1991 г. указом главы государства была установлена должность руководителя администрации региона России (край, область, автономная область, автономный округ). Главы администраций заменили председателей исполнительных комитетов Советов народных депутатов. Логика введения нового института была прозрачна – обеспечить контроль над ресурсами и элитами регионов. В 1991–1993 гг. главы администраций регионов назначались президентом России, кандидатуру главы администрации должен был одобрить Совет народных депутатов региона. Исключение существовало для избранных мэров Москвы и Санкт-Петербурга, а также для глав республик в составе Федерации. Также в каждом регионе в соответствии с распоряжением президента Российской Федерации от 2 сентября 1991 г. назначался представитель президента РСФСР.

Пятый съезд народных депутатов РСФСР 28 октября наделил Ельцина «чрезвычайными полномочиями» для проведения реформ сроком до 1 декабря 1992 г. Президент совмещал функции председателя правительства, его указы приравнивались к законам. Попытка продлить полномочия в конце 1992 г. привела к острому конфликту с парламентом, который с трудом удалось погасить благодаря посредничеству председателя Конституционного суда.

Одним из принципиальных решений по усилению контроля над обществом в духе советского централизма был Указ № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» от 19 декабря 1991 г., которым упразднились Министерство внутренних дел РСФСР и Агентство федеральной безопасности РСФСР. Создание силового суперминистерства встретило сильную оппозицию в Верховном Совете и среди демократической общественности. Новая институция очень походила на НКВД при Сталине и Берию. Группа депутатов направила ходатайство в Конституционный суд, который 14 января 1992 г. признал указ президента не соответствующим Конституции. На следующий день указ был отменен.

Стремление централизовать власть и обеспечить монополию элитным группам, оказавшимся у власти, наталкивалось на противодействие не только на федеральном уровне. Далеко не везде представители президента реально участвовали в принятии существенных решений. Региональные элиты также выстраивали свою властную иерархию, используя схожие с центром методы.

Конфликты с региональными элитами и слабость центральной власти привели к подписанию 31 марта 1992 г. Федеративного договора между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий. Некоторые регионы добились значительных уступок со стороны федерального центра, провозгласив суверенитет в рамках существующего государства (по аналогии с союзными республиками в СССР). Особенно территориальная фрагментация политического пространства усилилась во второй половине 1990-х годов. Именно в это время очень много говорили и писали о регионализации России, возможной конфедерализации и даже распаде. Эти сюжеты даже вошли в отечественные учебники по политологии того времени. Центральная власть не могла воспрепятствовать достаточно свободному поведению региональных элит¹⁰.

Внутри федеральной элиты существовали централизаторские устремления, противодействующие автономизации региональных элит. Показательно, что, после того как в середине 1998 г. В.В. Путин возглавил Комиссию при президенте России по подготовке договоров о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и субъектами Российской Федерации¹¹, ни один договор подписан не был (см.: [Костин, 2010, с. 76]). До этого времени были подписаны договоры с 46 субъектами Федерации [Договоры...].

В условиях сильной политической и социальной неопределенности доминирующие группы пытались *структурировать российское политическое пространство*. В основном это были попытки создать подконтрольные новой власти общественные и партийные структуры, что усилило бы позиции групп доминирования. Еще в ноябре 1991 г. Б.Н. Ельцин и представители пяти демократических партий подписали Протокол о намерениях. По нему предполагалось, что партии будут оказывать администрации поддержку, а та, в свою очередь, будет консультироваться по важным вопросам политики. Однако со стороны президента данная договоренность не выполнялась. В январе 1992 г. правительство издало указ о создании «Общественного комитета российских реформ». Деятельность его так ничего и не дала. В феврале произошла ничем не завершившаяся первая попытка создания президентской партии.

¹⁰ О моделях поведения региональных элит, их структурировании, взаимоотношении с Центром в контексте рассматриваемых здесь проблем см. весьма значимые работы: [Лапина, Чирикова, 1999; Лапина, Чирикова, 2000].

¹¹ Комиссия существовала с 20.07.1994 по 08.08.2001.

В марте президент выпустил обращение с призывом созвать Собрание граждан Российской Федерации в поддержку реформ. В апреле прошло собрание в Москве и ряде городов, но эти начинания не получили организационного продолжения. Тогда же новые элиты решили вернуться к идее создания президентской партии, но уже на базе существующей организации – Союза ветеранов Афганистана, который насчитывал 450 тыс. членов. Опять неудача. В июле в Москве собирается Форум сторонников реформ, приходят члены правительства, но партия вновь не создается. Эти попытки довольно показательны, поскольку нет широкой социальной базы, нет единства ни в элите, ни в потенциальных группах поддержки.

После государственного переворота сентября-октября 1993 г. (расстрел и разгон парламента – Верховного Совета) структурирование российского политического пространства продолжилось. В декабре 1993 г. была принята новая Конституция, которая закрепила в стране президентскую республику¹². Некоторые исследователи рассматривают эти события как шаги Ельцина и его окружения по «закрытию» элиты [Крыштановская, 1995, с. 59]. Однако выборы в Государственную Думу, проведенные вместе с референдумом о Конституции, показали, что реальный политический процесс новыми элитами контролируется не полностью. Было несколько попыток Ельцина и его окружения стать здесь основным актором. В апреле 1995 г. Ельцин объявил, что он дал поручение председателю Госдумы и премьер-министру создать два блока – левоцентристский и правоцентристский соответственно. В результате появилось движение «Наш Дом – Россия». В мае В.В. Путин, бывший в то время первым заместителем председателя правительства Санкт-Петербурга, стал «по должности» организатором и руководителем регионального отделения. В результате думских выборов 1995 г. движение завоевало 10% голосов. Этому проекту не суждено было долго жить. Партия власти так и не получилась. На выборах 1999 г. в III Думу НДР получил лишь 1,19% голосов. Длительное существование проправительственных организаций на этом этапе было невозможным. Элита оказывалась без важной организационно-политической поддержки.

Существенным для анализа институциональных реформ является стремление части новой российской элиты в том или ином виде восстановить монархию. Монархическое движение в постсоветской России достаточно разнородно и в нем нет единства. В связи с этим монархический публицист В. Невярович особо подчеркивает «необходимость строгого разграничения святомонархистов от монархистов вообще (т.е. выступающих только лишь за единое государство и сильную централизованную власть), а также от монархистов-соборян (соборников), монархистов-конституционалистов, выступающих за декоративную конституционную форму монархии, монархистов альтернативного толка и прочих «монархистов», а также от так называемых «непредрешенцев» («что Бог пошлет, та власть и будет»)» [Невярович, 2004, с. 2]. Разные элитные группы пытались ориентироваться на различные течения внутри этого движения. Одним из первых активность в этом направлении проявил еще в 1991 г. мэр Санкт-Петербурга и сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР А.А. Собчак, затем включились и другие политики [Бармин, 2013]. В 1993–1997 гг. Б.Н. Ельцин и его окружение также рассматривали возможность реставрации в России монархии с провозглашением царем одного из членов Российского императорского дома в эмиграции – правнука Великого князя Кирилла Владимировича – Георгия Михайловича. В 1994 г. председатель Совета Федерации В.Ф. Шумейко заявил в телеинтервью о возможности такого решения, которое было бы благом для страны [Невский, 2013]. Б.Н. Ельцин при таком развитии событий мог стать регентом. Таким образом, проблема неопределенности выборов вполне «легитимно» снималась [Платонов, 1997; Лебедев, 2010]. Одновременно, как отмечалось в прессе, данный проект имел своей стратегической целью «всемерное сращивание лиде-

¹² В экспертном сообществе существовали предположения о фальсификации результатов референдума. См., напр.: [Собянин, Суховольский, 1995].

ров новой демократической России с царской семьей и затыкание таким образом ртов особенно активным национал-патриотам» [Панорама..., 1996]. В это время вопрос о возможности монархии активно обсуждался в связанных с властными элитами СМИ (см. об этом: [Минкин, 1997]). Символическое захоронение останков Николая II, членов его семьи и приближенных в Санкт-Петербурге в Петропавловской крепости 17 июля 1998 г. подкрепляло легитимацию реставрации монархии.

В последующем к этой теме возвращались политики и публицисты [Кувалдин, 2004; Пестрецова, 2005]. В интервью губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко сказала: «По менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент... Словом, единоначалие» (цит. по: [Ванденко, 2004]). Очередной всплеск интереса властной элиты к реставрации монархии возник в 2010-е годы. Но кандидатуры в возможные цари были уже другие. Непосредственным поводом было празднование 400-летия дома Романовых [Зубков, Полунин, Пряников, 2011; Боханов, 2011; Невский, 2013]. Кризис во взаимоотношениях с Западом и экономические трудности дали новый импульс. Лидер Либерально-демократической партии России В.В. Жириновский заявляет: «Она [Россия] себя плохо чувствует в формате республики» [Встреча..., 2014], «Только монархия нас спасет» [Из выступления..., 2014; Zhirinovsky wants..., 2014]. Социологические опросы показывают, что в обществе существуют монархические ориентации, но они не очень распространены. Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в сентябре 2006 г., в случае проведения референдума 10% опрошенных проголосовали бы за восстановление монархии. В то же время «за монархию в России» и «в принципе не против монархии» уже – 22, а в Москве и Санкт-Петербурге таких ориентаций придерживался 31% респондентов [Пресс-выпуск..., 2006]. Мартовский опрос ВЦИОМа 2013 г. выявил 28% монархистов. Причем, 13% считали, что царя надо искать среди российских политиков или общественных деятелей, а не среди потомков Романовых [Пресс-выпуск..., 2013]. По данным Левада-центра, за восстановление монархии в России «определенно да» и «скорее да» в апреле 2013 г. высказались 10% опрошенных [Россияне о..., 2013]. Можно предположить, что сравнительно низкий запрос на монархию среди населения страны является сдерживающим фактором для монархически настроенной части властной элиты. Это, скорее всего, чувствуют и основные претенденты на корону – члены бывшего императорского дома. Помимо этого, существует и конкуренция внутри семьи Романовых (см.: [Воловатов, Казанцева, 2015; В Объединении..., 2015; Дом Романовых..., 2015]). Вместе с тем ориентации на царство влияют на выстраивание авторитарных институтов.

Второй этап институционализации оказался более успешным для правящих элит по созданию контролируемого пространства публичного участия. В 2001 г. по инициативе президентской администрации была создана Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», а в следующем году – Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». Надо отметить, что самоорганизация российских предпринимателей была достаточно низкой [Приписнов, 2002]. В этом отношении особой конкуренции у правительственных инициатив не было. Эти организации призваны были *консолидировать бизнесменов*, ориентирующихся на властные структуры. Одновременно эти организации выступали в качестве пространства переговоров и консультаций между фракциями элит.

Показательно, что наиболее влиятельная бизнес-ассоциация Российский союз промышленников и предпринимателей сделала попытку защитить своего лидера Михаила Ходорковского от судебного преследования в 2003 г., но, правда, не очень настойчиво. Вместе с другой организацией – Торгово-промышленной палатой Российской Федерации – она была весьма успешно укрошена и приручена центральной политико-административной элитой.

Кроме этого, администрацией президента было создано несколько *молодежных организаций*: «Наши», «Местные», «Молодая гвардия», «Россия молодая», «Новые люди», нацеленных на поддержку правящих групп.

Важным направлением стало реформирование *партийной системы*¹³. Прежде всего, это – создание относительно устойчивой правительственной партии «Единая Россия». Затем – запрет региональных партий и сокращение числа общефедеральных политических партий. Помимо этого – установление правовых барьеров неконтролируемому партийному строительству. Принятый 11 июля 2001 г. закон «О политических партиях», который в дальнейшем «усовершенствовался», позволил властным элитам эффективно контролировать политическую активность и конструировать партийное пространство в соответствии со своими интересами и представлениями. Послабление, которое вышло в 2012 г., не привело к структурированию дееспособного плюралистического политического пространства. Возможности и ресурсы были потеряны. Несмотря на то что на сайте Минюста список зарегистрированных партий включает 76 организаций [Список..., 2016], реальной политической значимостью обладают немногие, что продемонстрировали выборы в сентябре 2016 г.

Важной вехой в становлении институциональных оснований структурирования российской элиты стал 2004 год. Здесь действовало несколько внешних и внутренних факторов. В условиях сохраняющихся внутриэлитных конфликтов у В.В. Путина было вполне естественное стремление усилить контроль президента над ключевыми министерствами и ведомствами, особенно силового блока. В марте 2004 г. был издан указ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [Указ..., 2004], разделивший органы исполнительной власти на две группы. Одна стала подчиняться президенту, а другая – российскому правительству. Как результат влияние и контроль администрации президента над исполнительными структурами власти повысились.

Изменениям была подвергнута *избирательная система*. Еще в период Б.Н. Ельцина фальсификации и манипуляции активно использовались властной элитой. Так, в феврале 2012 г. президент Д.А. Медведев признал, что выборы президента страны в 1996 г. проходили с большими нарушениями и их результаты были сфальсифицированы. Он заявил: «Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 1996 года. Это не был Борис Николаевич Ельцин» [Медведев признался..., 2012]¹⁴. Однако необходимость легальности и легитимности формирования властных институтов при сохранении контроля над ними требовала определенных законодательных действий. Во-первых, 13 сентября 2004 г. В.В. Путин объявил о реформе системы региональной исполнительной власти. Суть ее состояла в том, что впредь главы будут не избираться на прямых выборах, а назначаться парламентами по представлению президента. Причем, движение за отмену выборов существовало также и среди определенной части губернаторов. Вот свидетельство губернатора Санкт-Петербурга: «Не понаслышке знаю, что последние года три главы регионов толпами ходили к Владимиру Путину и дружно просили об одном: избавьте нас от выборов! Человек, однажды прошедший их горнило, ни за что на свете не захочет еще раз подвергать себя подобному. Это испытание не для честных людей» (цит. по: [Ванденко, 2004]). Соответствующие законы были изданы 11 декабря 2004 г. Сразу же многие региональные руководители до истечения своих полномочий обратились к президенту с просьбой о назначении. Фактически это было изъявление лояльности центральной власти, имеющее также цель сохранения своих позиций. Только с января 2005 по март 2006 г. новую процедуру наделения полномочиями прошли 46 глав субъектов Федерации. «В большинстве случаев (22 из 33) переназначение было связано не с истечением срока полномочий руководителя региона, а с его добровольным запросом о доверии» [Иванченко, Любаров, 2006, с. 194]. Показательным в этой связи является интервью главы администрации президента Дмитрия Медведева (будущего президента) журналу «Эксперт». В нем, в частности, говорилось: «Новый способ избрания главы региона появился вовсе не для того, чтобы пере-

¹³ Очень подробное исследование см.: [Михалева, 2009].

¹⁴ В более общем плане см.: [Смирнов, 2008].

тряхнуть наш губернаторский корпус. Этот корпус, на мой взгляд, в целом вполне квалифицирован и работоспособен. Вопрос был в единстве исполнительной власти в масштабе России. И, как следствие, в ее эффективности. Новая система избрания губернаторов, направленная на укрепление единства власти, должна консолидировать региональные элиты, создать условия для большей эффективности в исполнении принятых решений» [Сохранить..., 2005].

Зачистка регионального политического пространства и «одомашнивание» региональных элит, включая губернаторов, прошли достаточно успешно, что позволило через семь лет по инициативе тогдашнего президента Д.А. Медведева перейти к контролируемым (были введены ограничивающие фильтры) выборам глав регионов [Федеральный закон..., 2012]. В связи с этим весьма показательной была фраза в комментариях по случаю принятия нового закона в официальной правительственной газете: «Теперь, вероятно, и страна, и народ для прямых выборов созрели» [Шкель, 2012]. Однако через полгода выяснилось, что с точки зрения и центральной власти, и части региональных элит не во всех регионах население «созрело». 13 декабря 2012 г. на заседании совета законодателей председатель парламента Северной Осетии Алексей Мачнев обратился к президенту с предложением дать право некоторым регионам самим определять себе способ избрания главы субъекта. Через несколько дней соответствующий законопроект появился в Госдуме [Салтыков, 2012]. «Единая Россия» поддержала инициативу [Из политического..., 2013]. В апреле В.В. Путин подписал закон [Регионам разрешили..., 2013]. Эта история достаточно хорошо показывает, во-первых, что этническая периферия не вполне признает общие правила игры, и в этом отношении лишь частично контролируется центральной властью, а во-вторых, внутриэлитные конфликты и противоречия интересов в некоторых этнических регионах достаточно сильны, и центр здесь выступает в качестве арбитра с ограниченными возможностями.

Одновременно появились более жесткие требования к участию в выборах, выдвижению кандидатов и представительству в Государственной Думе. Результатом стал достаточно управляемый парламент и облегчение для властной элиты законодательного процесса. Так, в выборах в Госдуму в 1993 г. участвовало 13 избирательных объединений, в 1995 г. – 43, в 1999 – 26, в 2003 г. – 23. Последующее реформирование избирательной системы связано с принятием 22 февраля 2014 г. федерального закона № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Федеральный закон..., 2014]. В соответствии с ним выборы депутатов Государственной Думы следующих созывов должны проводиться по смешанной системе. Эта новелла давала преимущество партии власти. Количество участвующих партий не создавало реальной конкуренции. В мажоритарных округах «Единая Россия» имела преимущества. Выборы 18 сентября 2016 г. это продемонстрировали.

Избирательные новшества коснулись и выборов президента страны, существенно ограничив возможности оппозиционных кандидатов. Если в 1996 г. было 10 кандидатов, в 2000 г. – 11, в 2004 г. – уже 6 кандидатов, в 2008 г. – 4, а в 2012 г. – 5. Конечно, количество претендентов не свидетельствует о реальной конкуренции и политическом плюрализме. Но оно говорит о потенциальной открытости системы и о потенциальном многообразии политико-дискурсивного пространства. Политико-административное сужение многообразия и ограничение политических сил, могущих противодействовать монополии находящихся у власти групп, может говорить как об опасении этих групп, что они могут и не удержать властных позиций, так и о скрытых возможностях оппонентов. В любом случае легитимность режима и его устойчивость ставятся под вопрос. Дополнительным инструментом укрепления того и другого выступает жесткий контроль над СМИ во время избирательных кампаний, что обеспечивает массированное воздействие на электорат в интересах доминирующих групп.

Принципиальным вопросом стало осуществление контроля над *судебной системой*. Непосредственно и прямо это сделать невозможно, поскольку Конституция провозглашает независимость судов и судей. Однако изнутри это оказалось частично возможным. В декабре

2004 г. VI Всероссийским съездом судей был принят «Кодекс судебной этики» [Кодекс..., 2004]. По нему частично ограничивается свобода выражения мнения: «Судья не вправе публично, вне рамок профессиональной деятельности, подвергать сомнению постановления судов, вступившие в законную силу, и критиковать профессиональные действия своих коллег» (ст. 6, п. 1), а также участие в публичной деятельности: «Судья не вправе принадлежать к политическим партиям и движениям, поддерживать их материально или иным способом, а также публично выражать свои политические взгляды, участвовать в шествиях и демонстрациях, имеющих политический характер, или в других политических акциях» (ст. 8, п. 5).

Проведенные реформы позволили политической элите стать более автономной и независимой от других социальных групп и политических институтов. Усиление централизации создало предпосылки унифицирующей консолидации властных элит. В последующем стало возможным смягчение институционального давления на общество и контрэлиты, поскольку с их стороны значимого контрпротиводействия уже не ожидалось. В этом отношении использование президентом вето в отношении законов, утвержденных Госдумой, довольно показательно. Если Б.Н. Ельцин часто налагал вето на законы, их не подписывая, то В.В. Путин редко прибегал к этой процедуре. Парламент стал в значительной мере прирученным (см.: [Основы..., 2013, с. 97]). Некоторая либерализация произошла и в отношении создания и деятельности новых и старых оппозиционных партий (см.: [Партийная..., 2015]). По опросам Левада-центра, роль политических партий в оценках населения России довольно низкая. Из предложенных респондентам 21 социального института партии заняли 18-е место с 2,95 баллами по пятибалльной шкале. Устойчивое место в конце списка влияния политические партии занимают с 2001 г. Первые места по убыванию занимают президент (4,5 балла), Федеральная служба безопасности (3,93), Вооруженные силы (3,91), президентская администрация (3,8), правительство (3,71) [Роль социальных..., 2015]. Рейтинг политических партий, подготовленный Институтом социально-экономических и политических исследований в апреле 2015 г., свидетельствует о низком уровне возможностей и активности партий, не представленных в Госдуме [Рейтинг..., 2015; Галимова, 2015]. Опросы ВЦИОМ также показывают невысокий индекс одобрения политических партий: ниже находятся профсоюзы, судебная система и оппозиция [Одобрение...].

Структурное измерение

Институциональные изменения на первом этапе привели к острой конкуренции фракций элит. Второй этап институциональных изменений привел к постепенному снижению конкуренции и формированию элитного «социального контракта».

Картель элит. Характеристика, данная Р. Дарендорфом состоянию немецких элит после 1945 г., удобна для описания постсоветского состояния российских элит: «Распад монополии привел к множественности, но не к конкуренции. Вместо этого картель занял место монополии» [Dahrendorf, 1969, p. 255]. Из этой точки, как указывается в литературе, были возможны два варианта развития: демократический и авторитарный. По поводу первого А. Лейпхарт писал: «Консоциальная (сообщественная) демократия означает правление картеля элит, нацеленного на превращение демократии с фрагментированной политической культурой в стабильную демократию» [Lijphart, 1969, p. 216]. О возможном ограничении демократии и авторитарном правлении писал Р. Дарендорф: «У элит не хватает доверия, необходимого для руководства или конфликта. Если мы спросим, почему это так, ответ должен быть тот, что они как социальная группа не устоявшиеся, а абстрактные. Фактически они не образуют группу, а остаются просто категорией» [Dahrendorf, 1969, p. 256]. Абстрактность элит связана с их временной неопределенностью и неустойчивостью. Необходимо время для их возможного воспроизводства. В обычных условиях понадобилось бы еще лет 10–15, но в условиях геополити-

ческого и экономического кризиса возникает неопределенность. В результате возможны как ускоренная институционализация, так и ее торможение. Вопрос до сих пор остается открытым.

Структуризация элитного пространства на начальном этапе формирования новых российских элит была одной из важнейших задач новых групп доминирования. Неопределенность и непредсказуемость развития политической ситуации в стране объективно повышала роль личных связей и межличностного доверия. Соответственно, и значение «землячеств», «однокашников» в российской политике оказалось большим. Как показано Э. Баком, элитные связи принципиально влияют на внутреннюю структуру элитного сообщества и элитных конфликтов [Buck, 2007]. В данном отношении борьба внутриэлитных кланов и, шире, борьба в политической сфере приобрела вид географический («московские», «питерские», «уральские» и т.п.) (см., напр.: [Мазо, 2003; Мухин, 2003; 65 руководящих..., 2005]) и профессиональный («силовики», «либералы-экономисты»). Особенно это проявилось на данном этапе институционализации российских элит. Помимо этого, как отмечают исследователи, большое значение приобрело политическое использование «родственных отношений для объективации, идентификации и фальсификации отечественной власти в период правления Бориса Ельцина» [Орлова, 2004, с. 297]. В отношении родственников и близких к Б.Н. Ельцину советников и бизнесменов, оказывавших принципиальное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российского государства, появился и использовался термин «Семья» (см.: [Ельцин, 2000, с. 259; Примаков, 2002]). Надо сказать, что институт «Семьи», под которым имеется в виду «способ координации интересов и взаимоотношений между олигархическими кланами, неформальный механизм общения представителей бизнес-кланов и президентской власти» [Журженко, 2008, с. 188], стал очень распространенным в постсоветском пространстве [Лукеренко, 2004]. Его значение усиливалось выстраиваемой авторитарной вертикалью и снижением роли парламента. Наиболее наглядно роль «Семьи» проявилась в передаче власти и президентских полномочий Б.Н. Ельциным В.В. Путину в конце 1999 г.

Вертикальная и горизонтальная элитная интеграция находилась в 1990-х годах на низком уровне. Нарушение существовавших ранее принципов иерархического продвижения не восстановилось и не были выработаны новые. Часто продвижение наверх было случайным и связанным с личными отношениями высших должностных лиц. В государственном управлении это приводило к дисфункции и затруднениям в формировании административной элиты. Один из сотрудников аппарата правительства вспоминает: «Постоянная смена даже наиболее высокопоставленных государственных чиновников при отсутствии реального и полноценного кадрового резерва привела к тому, что исполнительная власть становилась все менее работоспособной» [Воронцов, 2006, с. 62].

Одной из важных целей новой элиты было создание специальных пространств для неформальных переговоров, торгов, соглашений, принятия решений. В практике остались старые – баня, охота, рыбалка, но возникли и новые – элитные клубы. В середине 1990-х годов начали выходить специальные журналы для элиты.

В послеельцинский период структуризация элитного пространства продолжилась. Помимо внутриэлитных связей, о которых говорилось выше, происходила «расчистка площадки»: группы, претендующие на влияние на политический процесс, выдвигались из публичного пространства. Кроме упорядочения партийной системы существенным в данном отношении явилась борьба с «олигархами» и укрощение региональных элит.

На втором этапе институционализации значительный рывок произошел в элитной интеграции. Важным обстоятельством оказалось то, что для властных элит путинского призыва административная и политическая деятельность особых различий не имела. Любые передвижения по властной горизонтали в условиях централизации и выстраивания вертикали власти стали возможны. Такого рода практика уже существовала в советский период. Первое назначение в номенклатурном духе произошло в августе 2005 г.: президент назначил начальника

Восточносибирской железной дороги губернатором Иркутской области. Этот человек (А.Г. Тишанин) никогда не действовал в публичной сфере и всегда был только железнодорожным администратором. С этого времени подобные назначения стали практиковаться широко. Наиболее одиозным стало пребывание на посту министра обороны А.Э. Сердюкова.

Особое место в структурировании элиты занимает коррупция. В последние годы ее размер стал весьма значительным. По данным консалтинговой компании «PricewaterhouseCoopers», 60% российских фирм в последние два года получали от чиновников предложения, «от которых нельзя отказаться» [PwC: Россия., 2014]. Вместе с очевидными деструктивными действиями коррупция выполняет важные для новой элиты функции, выступая специфическим механизмом институционализации российских элит¹⁵. Во-первых, для элит – это способ быстрого создания символических механизмов идентификации и демаркации имущественного и финансового положения. Во-вторых, посредством коррупции поддерживается внутренняя дисциплина и сплоченность элиты в условиях разрушения идеологии и механизмов сдерживания конкурирующих групп. В-третьих, коррупция при ее широком распространении способствует снижению неопределенности во внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии в условиях ослабления традиционных для сообщества нормативных регуляторов. В-четвертых, она обеспечивает преодоление административных барьеров и компенсацию неэффективной работы госаппарата и создает необходимые связи между властью и бизнесом, между политико-административной элитой и финансово-экономической элитой. А следовательно, создает устойчивость и прогнозируемость взаимодействия фракций элиты. Показательно, что благодаря проведенной предыдущим президентом России Д.А. Медведевым «декриминализации» уголовного законодательства в качестве основной меры в отношении коррупционеров применяется наказание, не связанное с лишением свободы.

Для формирования новой российской властной элиты стало характерно *сращивание экономической и политической власти*. Исследователи отмечают, что наряду с плутократизацией в начале 1990-х годов отчетливо проявилась тенденция олигархизации власти. Усилилось переплетение политической и экономической элит на федеральном и региональном уровнях. «Свидетельством окончательной победы “олигархической” модели элитообразования стал состав сформированного летом 1996 г. правительства, представшего в качестве сообщества отраслевых лоббистов» [Гаман-Голутвина, 2006, с. 322]. В определенной степени в этом проявилось наследие советской системы. Можно говорить о path dependency, а также о быстрой самоорганизации и структурировании постноменклатурных групп.

В политическом плане ориентация властных структур на интересы экономических и финансовых групп достаточно очевидна. В путинский и медведевский период эта тенденция усилилась. Высший экономический класс становится потенциальным бассейном рукутирования элиты. В самом начале своего президентства В.В. Путин заявил, что пересмотра приватизации не будет. Ориентация на высший класс наиболее заметна в фискальной политике. Она отчетливо просматривается в отмене в 2001 г. прогрессивного налогообложения и введении плоской шкалы в 13%, а также сокращении налогов на предпринимательскую деятельность. Важным актом было принятие Госдумой 21 декабря 2001 г. «Трудового кодекса Российской Федерации» (№ 197-ФЗ от 30.12.2001). В нем заметно сужение прав наемных работников и профсоюзов при предоставлении преимуществ работодателям. Причем, эти новшества поддерживали не только традиционно проправительственные партии, но и Союз правых сил, тесно связанный с большим бизнесом.

Одновременно центральная власть во главе с В.В. Путиным стремилась проводить политику «равноудаленности» от экономических и финансовых групп, публично заявляя о своей нейтральности. Вот как описывал ситуацию глава государства: «У нас есть категория людей,

¹⁵ Подробно см.: [Быстрова, Дука, 2006].

которые разбогатели и стали миллиардерами, как у нас говорят, в одночасье. Их государство назначило миллиардерами: просто раздало государственное имущество практически бесплатно. Они так сами и говорили: меня назначили миллиардером. Потом, по ходу пьесы, у них создалось впечатление, что на них Боженька заснул, что им все – можно. И, по сути, была предпринята попытка создать в России систему такого олигархического правления, когда за спиной видимых политических фигур вставляли люди, которые на поверхности себя не показывали, но реально формулировали политические решения общенационального значения» [Путин, 2003]. В действительности элитные группы, контролирующие государственную власть, стремятся к автономии от других центров силы и проводят политику снижения уровня конкуренции. В публичном пространстве это озвучивается как независимость от крупных собственников, бизнесменов и менеджеров, ориентация на общее благо.

Вместе с тем социальное неравенство постоянно возрастает. Социальное расслоение в России в результате социально-экономических перемен выразилось в быстром росте крупных и очень крупных состояний при относительном и абсолютном обнищании основной части населения (см., напр.: [Доля бедных., 2015; Численность., 2016; Уровень жизни., 2016; Реальные., 2016]). Данные Федеральной службы государственной статистики об этом свидетельствуют (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристики дифференциации денежных доходов населения

Коэффициенты	Год											
	1991	1992	1993	1995	1997	2000	2004	2008	2010	2013	2014	2015
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,260	0,289	0,407	0,387	0,390	0,395	0,409	0,421	0,421	0,419	0,416	0,412
Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)	–	8,0	13,5	13,5	13,6	13,9	15,2	16,6	16,6	16,2	16,0	15,6

Источники: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Пред. ред. кол. В.Л. Соколин. – М.: Госкомстат России, 1998. – С. 207, 223; Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi> (Дата обращения – 30.04.2009); http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-2.htm (Дата обращения – 28.10.2016); http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Дата обращения – 20.05.2016); http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-4.htm (Дата обращения – 20.05.2016).

Данные за 2015 г. предварительные, без учета данных по Республике Крым и г. Севастополю.

Важным механизмом формирования устойчивой имущественной дифференциации было целенаправленное сдерживание роста зарплат в бюджетной сфере и пенсий. Как отмечает О.Г. Дмитриева, «в конце 1999-го, в 2000-м, воспользовавшись экономическим ростом, пенсии и зарплаты можно было спокойно повышать. Но этого не сделали, в очередной раз решив, что народу хватит и крох от барского пирога. Именно тогда в стране появилось бешенное количество миллиардеров. И тогда же произошло относительное снижение уровня пенсий и зарплат бюджетников» [Дмитриева, 2014, с. 113]. Однако проблема здесь находится не только в плоскости социальной справедливости или социальной политики. Прежде всего эта политика была направлена на создание социальной базы новой элиты и закрепление ее как элиты состоятельных людей.

В России уровень социального неравенства один из самых высоких в мире (см.: [Credit Suisse..., 2014, p. 124]). В результате социально-экономических преобразований сложился достаточно устойчивый класс богатых людей. Важным обстоятельством явилась программа приватизации. Особое значение имели залоговые аукционы 1995 г., создавшие, с одной стороны, крупные капиталы, а с другой – весьма тесную связь между бизнес-элитой и политической элитой. Тем самым было положено начало возникновению олигархически-плутократического режима. Это позволило некоторым аналитикам говорить о фактическом существовании в России имущественного ценза для занятия высших государственных должностей (см., напр.: [Костин, 2010, с. 158]).

Результаты исследования биографий членов российской высшей административной элиты, проведенные в Социологическом институте Российской академии наук (СПб.), показывают, что доля лиц, связанных с экономическими структурами, достаточно высока (табл. 2). В анализируемую категорию элиты включены президент и основные должностные лица его администрации; члены правительства, заместители министров, руководители федеральных служб и агентств и их заместители, а также руководство аппарата правительства на декабрь 2013 г.

Анализ биографий региональных элит показывает ту же тенденцию. Сращивание интересов финансово-экономической и политико-административной власти и властных групп в России можно считать свершившимся фактом.

Таблица 2

Опыт работы членов элиты на ключевых позициях в экономических структурах (с 1991 г.), в %

Элитная группа	Наличие опыта
Административная элита, N=575	31
<i>в том числе:</i>	
правительство, N=31	52
администрация президента, N=66	32

Источник: [Тев, 2016, с. 125].

Персональный аспект

На первом этапе институционализации новых российских элит значительная часть прежней номенклатуры сохранила значимые позиции в управлении на федеральном и региональном уровнях. По данным Н.В. Петрова на 1993 г., в большинстве регионов у власти находилась «позднеперестроечная новокоммунистическая элита». Из 141 первых секретарей крайкомов и обкомов КПСС, первых секретарей горкомов партии и председателей обкомполкомов 23%

сохранились в качестве административно-политической элиты, 32 – перешли руководителями в госсектор и 33% перешли в частный сектор [Петров, 1995, с. 55]. В соответствии с подсчетами Я. Василевского в том же 1993 г. из 155 персон, занимавших высшие партийные номенклатурные позиции в 1988 г. 31,6% действовали в политике, 19,4 – стали директорами в госсекторе, 19,4 – были управленцами или служащими, а 14,2% перешли в бизнес. Из 358 работников государственной номенклатуры успешно политикой занимались 34,1%, директорами в госсекторе стали – 20,1%, управленцами и служащими – 13,7, в бизнесе трудились 18,4% [Wasilewski, 1998, p. 162]. В 1995 г. в высшей российской элите всего лишь четверть не имела номенклатурного опыта. В целом, включая региональный уровень и бизнес-элиту, не прошли через номенклатурные позиции 35% [Крыштановская, 1995, с. 64–65; Kryshstanovskaya, White, 2002, p. 239].

В этом смысле российская советская номенклатура оказалась очень успешной в выживании и конвертировании своего властного капитала. Известный российский журналист А. Минкин так в ноябре 1994 г. весьма едко писал о Е.Т. Гайдаре (министр и премьер-министр при Б.Н. Ельцине, основатель и один из руководителей партий «Демократический выбор России» и Союз правых сил): «И вот жуткий мальчик, всю прошлую жизнь зарабатывавший научным коммунизмом (т.е. беспросветной ложью, т.е. наперсточник), стал вождем демократов. И в соратниках у него теперь настоящие наперсточники» [Минкин, 2012, с. 160].

Для советской номенклатуры была характерна большая доля семейственности и наследственности по сравнению с другими социалистическими странами. Так, если в Польше только у 4,4% номенклатуры 1988 г. отцы занимали элитные позиции и у 3,8% тесты были из элиты, то в России эти показатели были, соответственно, 15,9 и 15,9%, в Венгрии – 5,6 и 4,6% [Eyal, Townsley, 1995, p. 736].

В постсоветское время сохраняется значение родственных связей и выстраивания вокруг и рядом с ними клиентельных сетей. Проблема оказалась настолько серьезной, что один из влиятельных депутатов от правящей партии, глава одного из комитетов Госдумы в сентябре 2012 г. предложил поправки к закону «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», предполагающие введение запрета на избрание в обе палаты российского парламента депутатов и сенаторов, которые состоят в близком родстве [Подготовлен..., 2012; Единороссы..., 2012]. Три четверти россиян поддержали идею запрета близким родственникам работать вместе на высших государственных постах [Пресс-выпуск..., 2012]. Однако этот законопроект не имел будущего.

В сентябре 2016 г. первым законопроектом Законодательного собрания Ленинградской области нового созыва оказалась инициатива, предлагающая установить запрет на трудоустройство родственников депутатов помощниками депутатов данного представительного органа [Областной..., 2016]. В регионах с преобладанием нерусского этноса (Северный Кавказ, Татария, Башкирия, Калмыкия, Тува и др.) влияние кланово-родственных связей является кардинальным (см., напр.: [Дука, 2014]). Помимо этого, сохраняется влияние этнических землячеств и диаспор на политику на федеральном уровне и в регионах через влиятельных персон (см.: [Здоровец, Мухин, 2005]).

Существенным фактором стало массовое сокращение российских Вооруженных сил. За этим стояло как ослабление силовых структур, могущих быть нелояльными к новой власти, так и стремление сократить бюджетные расходы.

Таблица 3

Сравнительный анализ изменения некоторых параметров Вооруженных сил

Параметры	1992 г.	1996 г.	1999 г.
Штатная численность ВС (млн военнослужащих)	2,8	1,7	1,2
Доля расходов на национальную оборону от ВВП (%)	5,6	2,8	2,34
Ресурсообеспеченность (оборонные расходы в расчете на одного военнослужащего в тыс. руб.)	103	82,5	87,5

Источник: [Зубарев, 2000].

Массовые увольнения армейских и прочих офицеров создало сильное давление на рынок труда. Увольняемый офицерский состав обладал достаточно высокой квалификацией и важными неоспоримыми качествами, существенными для административной вертикали, – исполнительность и чувство иерархии. Поэтому бывших офицеров охотно приглашали на административную работу. Кроме того, в 1990-е годы у населения российская армия пользовалась наибольшим доверием среди политических институтов страны (см.: [Осенний..., 1998, с. 235–236]). В связи с этим в избирательные списки офицеры также включались. В 2000-х годах этот процесс усилился. Особенно актуально это было для окружения В.В. Путина, выходца из спецслужб.

Данное обстоятельство послужило основанием говорить о милитаризованности российских властных элит. Для обозначения путинской элиты стал использоваться термин «милитократия» [Крыштановская, 2002; Kryshstanovskaya, White, 2003]. Действительно, бывших офицеров и генералов во властных структурах современной России достаточно много. Однако возникает вопрос о методической точности инструментария аналитика и ученого. Вместе с тем, как указывается в ряде исследований, важно учитывать как направленность политики, так и всю карьеру членов элитного сообщества. Многие бывшие силовики после военной службы длительное время занимались иным делом, например бизнесом, и уже после этого стали проявлять активность в политико-административной сфере (см.: [Гаман-Голутвина, 2006; Rivera, Rivera, 2006; Ривера, Ривера, 2009; Дука, 2012; Тев, 2016]). Кроме того, необходимо учитывать особенность институционализации российских элит в предыдущий период. Б. Ренц в связи с этим пишет: «Возрастание числа *силовиков* было предопределено в значительной степени незавершенным процессом институционализации рекрутирования элиты, а не стратегическим решением повысить политическое влияние силовых структур» [Renz, 2006, p. 907].

Силовики не столько умышленно проникают во власть с целью выстроить свое «силовое» государство, сколько заполняют в ней свободные ниши. Они появились в структурах власти и при Ельцине и закрепляются в них как обычная социальная группа. В этом отношении борьба внутри федеральной элиты за контроль над институтами и ресурсами, обострившаяся летом-осенью 2003 г., которой журналисты дали имя «семейные против силовиков», была обычной межгрупповой схваткой, а не захватом военными и спецслужбами власти.

Если в первый период трансформации российских властных элит значительную долю в них составляли выходцы из номенклатурных структур, то постепенно их количество стало уменьшаться, что связано в первую очередь с естественными причинами – сменой поколений.

Постепенно упорядочивается система рекрутирования и продвижения по служебной лестнице административного корпуса. Происходит профессионализация административной и политической элит. Этому способствует развитие системы профессионального образования – академий государственной службы, вышедших из высших партийных школ, существовавших при советской власти. Последняя реорганизация в 2010 г. упразднила автономные региональные академии и подчинила их созданной Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. Ведущим источником рекрутирова-

ния политических элит становятся бюрократы. В высшей политической элите (Федеральное Собрание) выходцев из госслужбы около половины – 48%. Растет доля лиц среди депутатов Государственной Думы, имеющих за плечами бюрократическую карьеру. Динамика достаточно впечатляющая. Если в третьем созыве нижней палаты Федерального Собрания (1999–2003) был 21% депутатов, занимавших непосредственно перед избранием высокие административные должности, то в составе шестого созыва (2011–2016) таких депутатов стало уже 47%. В это же время выходцев из партийных комитетов и общественных организаций всего около 4%¹⁶.

Заключение

Трансформация российской властной элиты не завершилась, что связано с сохраняющейся социальной неопределенностью и сравнительно небольшим (в историческом отношении) временем институционализации новых властных групп. Однако можно утверждать, что основная тенденция достаточно определилась. Российская властная элита отчетливо ориентируется на развитие капиталистических отношений, но с сильным государственным патронажем. Очевидно значимое переплетение на персональном уровне экономической, административной и политической элит. Доминирующим на данном этапе является административный сектор властной элиты, осуществляющий авторитарную консолидацию, но базовые ценности и интересы основных экономических акторов сохраняются и реализуются, тем более что складывающийся бассейн рекрутирования новой элиты в значительной степени состоит из экономического высшего класса. В этом отношении складывающийся режим можно охарактеризовать как плутократическо-олигархический.

Сохраняется значение родственных, клановых, этнических и земляческих связей. Особую роль они играют на нерусской этнической периферии страны, где сильны доиндустриальные социальные отношения. Коррупция в значительной степени приобрела системный характер, что связано с ее институционально-функциональным значением для институционализирующейся новой российской элиты. Число выходцев из старых властных групп сокращается в силу смены поколений. Вместе с тем некоторые практики номенклатуры сохраняются, подчас изменяя свое значение.

Список литературы

Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2: Теория и методология: Словарь. – 600 с.

Бармин Ф. Несостоявшаяся коронация: Как в Эр-Эф чуть было не «восстановили монархию» // Спецназ России. – М., 2013. – № 8–10. – Режим доступа: <http://www.specnaz.ru/articles/203/27/1891.htm>, <http://www.specnaz.ru/articles/204/27/1906.htm>, <http://www.specnaz.ru/articles/205/27/1921.htm> (Дата обращения – 24.10.2016).

Боханов А. «Монархия как декорация для телекамер нам не нужна» // Сайт «Русская народная линия». – 2011. – 13.05. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/05/13/aleksandr_bohanov_monarhiya_kak_dekoraciya_dlya_telekamer_nam_ne_nuzhna/&?commsort=votes (Дата обращения – 28.10.2016).

Быстрова А.С., Дука А.В. Коррупция в институционализации российской элиты // Финансы и бизнес. – М., 2006. – № 1. – С. 57–67.

¹⁶ Данные Сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН. Также см.: [Шендякова, 2011; Шендякова, 2014].

Ванденко А. Хозяйка Северной Пальмиры [Интервью с В.И. Матвиенко] // Итоги. – М., 2004. – № 43, 25.10. – Режим доступа: <http://www.itogi.ru/archive/2004/43/76240.html> (Дата обращения – 28.10.2016).

Воловатов В., Казанцева С. Романовы просят защиты от самозванцев и резиденцию в Москве // Сайт «m24.ru». – 2015. – 13.07. – Режим доступа: <http://www.m24.ru/articles/78843> (Дата обращения – 28.10.2016).

В Объединении Романовых назвали абсурдными притязания Марии Владимировны на особый статус в РФ // Сайт «Интерфакс». – 2015. – 13.07. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/453357> (Дата обращения – 28.10.2016).

Воронцов В.А. В коридорах безвластия: (Премьеры Ельцина). – М.: Академический проект, 2006. – 1080 с.

Встреча [В.В. Жириновского] с Президентом РФ Владимиром Путиным в Ялте // Сайт ЛДПР. – 2014. – 14.08. – Режим доступа: http://ldpr.ru/leader/speech/meeting_with_the_russian_president_vladimir_putin_in_yalta/ (Дата обращения – 28.10.2016).

Галимова Н. «Из непарламентских партий парламентские не вырисовываются» // Газета.ру. – 2015. – 09.04. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2015/04/08_a_6631369.shtml (Дата обращения – 28.10.2016).

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.

Дмитриева О. Противостояние. 20 лет в политике. – СПб.: Лики России, 2014. – 255 с.

Договоры о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Сайт «Политика». – Режим доступа: <http://www.politika.su/reg/dogovory.html> (Дата обращения – 24.10.2016).

Доклад об экономике России 32: Неопределенность экономической политики ограничивает горизонт роста / Всемирный банк. – 2014. – 68 с. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/762351468146403849/pdf/912390WP0RUSSI000WB0REReport0320Rus.pdf> (Дата обращения – 24.10.2016).

Доклад об экономике России 35: Долгий путь к восстановлению экономики / Всемирный банк. – 2016. – 88 с. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/417821467996727114/pdf/104825-RUSSIANWP-12-5-2016-15-46-9-rer35RUS.pdf> (Дата обращения – 30.10.2016).

Доля бедных в России выросла за год почти вдвое // Сайт «FinRussia.ru». – 2015. – 29.12. – Режим доступа: <http://finrussia.ru/news/show/201512291> (Дата обращения – 28.10.2016).

Дом Романовых не обращался с официальной просьбой об особом статусе в России // Сайт «Интерфакс». – 2015. – 13.07. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/453302> (Дата обращения – 28.10.2016).

Дука А.В. К вопросу о милитократии: Силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – С. 94–120.

Дука А.В. Власть между традиционностью и современностью (Элиты российской периферии) // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 8–18.

Единороссы намерены запретить родственникам избираться в Госдуму и Совфед // Сайт «TOPNEWS.RU». – 2012. – 07.09. – Режим доступа: http://www.topnews.ru/news_id_52742.html (Дата обращения – 29.10.2016).

Ельцин Б.Н. Видит Бог, я сделал много шагов навстречу. Пора власть употребить // Ельцин – Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба / Сост.: Л.Н. Доброхотов и др. – М.: «Терра», 1994. – 616 с.

Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления... – М.: АСТ, 2000. – 424 с.

Журженко Т. Гендерные рынки Украины: Политическая экономия национального строительства (Gendered Markets of Ukraine: Political economy of nation building). – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 256 с.

Здоровец Я.И., Мухин А.А. Диаспоры и землячества: Вопросы влияния. – М.: Алгоритм, 2005. – 208 с.

Зубарев В.М. Порог сокращений достигнут // Независимое военное обозрение. – 2000. – 09.06. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-09/3_threshold.html (Дата обращения – 29.10.2016).

Зубков К., Полунин А., Пряников П. Россию готовят к приходу царя на 400-летие Дома Романовых // Сайт «Свободная пресса». – 2011. – 05.05. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/all/article/43072/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 222 с.

Из выступления В.В. Жириновского на «Открытой трибуне». Тема: «Россия – Европа: Важно сохранить доверие» // Сайт ЛДПР. – 2014. – 22.09. – Режим доступа: http://ldpr.ru/leader/speech/from_the_speech_of_vladimir_zhirinovskiy_in_the_open_platform_220914/ (Дата обращения – 28.10.2016).

Из политического противоборства исключают этническую подоплеку // Сайт «Единой России». – 2013. – 23.01. – Режим доступа: <http://er.ru/news/95855/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Кодекс судебной этики // Сайт «Федеральные арбитражные суды РФ». – 2004. – Режим доступа: <http://arbitr.ru/law/docs/1677829/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Костин А.Л. Петля Путина: Разбор полетов за 10 лет. – М.: Алгоритм, 2010. – 272 с.

Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 1. – С. 51–65.

Крыштановская О.В. Режим Путина: Либеральная милитократия? // Pro et Contra. – М., 2002. – Т. 7, № 4. – С. 158–180.

Кувалдин С. Царь в голове // Сайт «GlobalRus.ru». – 2004. – 25.10. – Режим доступа: <http://www.globalrus.ru/comments/138664/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: Модели поведения и политические ориентации / РАН. ИНИОН. – М., 1999. – 192 с.

Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: Экономика, модели власти, политический выбор / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 200 с.

Лебедев С. Демократия – роскошь, которую может позволить себе общество с сильным средним классом // Сайт «Русская народная линия». – 2010. – 11.09. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/11/sergej_lebedev_demokratiya_roskosh_kotoruyu_mozhet_pozvolit_sebe_obwestvo_s_silnym_srednim_klassom (Дата обращения – 24.10.2016).

Лукеренко К. «Пожарная» организация власти: Семейные кланы как принцип политической организации // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. статей / Сост. и ред. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Кн. 2. – С. 324–353.

Магомедов А. Политический ритуал и мифы региональных элит // Свободная мысль. – М., 1994. – № 11. – С. 108–114.

Мазо Д. Питерские против московских, или Кто есть кто в окружении В.В. Путина. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ.; Отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – С. 277–411.

Медведев признался: В 1996-м президентские выборы выиграл Зюганов // КМ.RU. – 2012. – 22.02. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/02/22/vybory-2011-2012/medvedev-priznalsya-v-1996-m-prezidentskie-vybory-vyigral-zyuga> (Дата обращения – 28.10.2016).

Минкин А.В. Царь должен спасти Россию от генерала. Третий этап приватизации власти // Новая газ. – М., 1997. – 03.02.

Минкин А.В. Простая система // Минкин А.В. Президенты RU. – М.: Астрель, 2012. – С. 157–162.

Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

Мухин А.А. Питерское окружение президента. – М.: ЦПИ, 2003. – 239 с.

Невский И. Похоже, в России хотят возродить монархию // Сайт «Посольский приказ». – 2013. – 12.12. – Режим доступа: <http://www.posprikaz.ru/2013/12/poxozhe-v-rossii-hotyat-vozrodit-monarhiyu/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Невярович В. О возможности восстановления священной монархии в России // Монархистъ. – СПб., 2004. – № 50–51. – С. 2–7.

Областной депутат Петров предлагает запретить «родственное» трудоустройство политиков // Сайт «Закс. ру». – 2016. – 28.09. – Режим доступа: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/159688> (Дата обращения – 29.10.2016).

Одобрение деятельности общественных институтов // Сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (Дата обращения – 28.10.2016).

Орлова Г.А. Семь «Я» президента: Призрак родства в российской политике 1990-х годов // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. статей / Сост. и ред. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Кн. 2. – С. 297–323.

Осенний кризис 1998 года: Российское общество до и после. (Аналитические доклады РНИСиНП) / Под ред. М.К. Горшкова, А.Ю. Чепуренко, Ф.Э. Шереги. – М.: РОССПЭН: РНИ-СиНП, 1998. – 264 с.

Основы конституционного строя России: Двадцать лет развития / Под. ред. А.Н. Медушевского. – М.: Институт права и публичной политики, 2013. – 359 с.

Панорама. Часть 2 // Огонек. – 1996. – № 51, 22.12. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2284447> (Дата обращения – 09.11.2016).

Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: Предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: Тов-во науч. изданий «КМК», 2015. – 204 с.

Пестрецова О. Проект «оккупационная монархия» / АПН. – 2005. – 31.01. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article1269.htm> (Дата обращения – 28.10.2016).

Петров Н.В. Политические элиты в центре и на местах // Российский монитор. – М.: ИНДЕМ, 1995. – Вып. 5. – С. 41–63.

Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в.: В 2 т. – М.: Родникъ, 1997. – Т. 2. – 1040 с.

Подготовлен законопроект, запрещающий «семейственность» в Госдуме и Совете Федерации // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – 2012. – 07.09. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/418054/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Пресс-выпуск № 538. Нужна ли России монархия? // Сайт ВЦИОМ. – 2006. – 25.09. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3253> (Дата обращения – 28.10.2016).

Пресс-выпуск № 2114. Профессиональная этика и родственные связи: Единство или борьба противоположностей? // Сайт ВЦИОМ. – 2012. – 18.09. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113044> (Дата обращения – 29.10.2016).

Пресс-выпуск № 2256. Монархия в России: Пройденный этап? // Сайт ВЦИОМ. – 2013. – 19.03. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113775> (Дата обращения – 28.10.2016).

Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... – 2-е изд. – М.: Мысль, 2002. – 238 с.

Приписнов В. К цивилизованному рынку через объединения предпринимателей // Российский экономический барометр. – М., 2002. – № 3. – С. 4–5.

Путин В.В. Интервью газете «Нью-Йорк таймс» // Сайт Президента России. – 2003. – 04.10. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22145> (Дата обращения – 29.10.2016).

Реальные доходы россиян резко упали // Сайт «Красная линия». – 2016. – 19.09. – Режим доступа: <http://www.rline.tv/news/2016-09-19-realnye-dokhody-rossiyan-rezko-upali/> (Дата обращения – 28.10.2016).

Регионам разрешили отменять выборы // Сайт «Российской газеты». – 2013. – 02.04. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/04/02/vibori-gubernatorov-anons.html> (Дата обращения – 28.10.2016).

Рейтинг политических партий по итогам 1 квартала 2015 г. // Сайт ИСЭПИ. – 2015. – Режим доступа: <http://politanalitika.ru/upload/iblock/127/127a98275b66599917043c044b07d3f0.pdf> (Дата обращения – 28.10.2016).

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // Полис. – М., 2009. – № 5. – С. 149–157.

Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

Роксборо А. Железный Путин: Взгляд с Запада. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 359 с.

Роль социальных институтов // «Левада-центр». – 2015. – 12.02. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/12-02-2015/rol-sotsialnykh-institutov> (Дата обращения – 28.10.2016).

Россияне о Николае II // «Левада-центр». – 2013. – 16.05. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/16-05-2013/rossiyane-o-nikolae-ii> (Дата обращения – 28.10.2016).

Салтыков Е. В проблемные регионы вернут назначения губернаторов // Сайт «Вести.ру». – 2012. – 19.12. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?cid=7&id=987901> (Дата обращения – 28.10.2016).

Смирнов В.М. Аферы на выборах. – М.: Алгоритм, 2008. – 240 с.

Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. – М.: Проектная группа по правам человек: Издательство ИНТУ, 1995. – 263 с.

Сохранить эффективное государство в существующих границах: С руководителем администрации президента России Дмитрием Медведевым беседует главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев // Эксперт. – 2005. – № 13(460). – 04.04. – Режим доступа: <http://expert.ru/forum/expert-articles/553/> (Дата обращения – 29.10.2016).

Список зарегистрированных политических партий // Сайт Министерства юстиции. – 2016. – 10.09. – Режим доступа: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok?theme=minjust> (Дата обращения – 28.10.2016).

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: Карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. – М., 2016. – № 4. – С. 115–130.

Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 784 с.

Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / Крыштановская О.В., Куколев И.В., Владыцкая В.А., Свищенкова Н.А. // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – С. 269–294.

Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Сайт «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/186816/#help> (Дата обращения – 28.10.2016).

Уровень жизни и доход населения в августе 2016 г. // Сайт Росстата. – 2016. – 10.09. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B16_00/IssWWW.exe/Stg/dk08/6-0.doc (Дата обращения – 28.10.2016).

Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Российская газ.: Федеральный выпуск. – 2012. – № 5772(99). – 04.05.

Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газ.: Федеральный выпуск. – 2014. – № 6317(45). – 26.02.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Сайт Росстата. – 2016. – 11.05. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc (Дата обращения – 28.10.2016).

Шентякова А.В. Политическая и административная элита: Качественный состав и каналы рекрутирования // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2011. – С. 145–156.

Шентякова А.В. Качественный состав политической и административной элиты: Проблемы консолидации // Лидер, элита, регион: Материалы научно-практической конференции с международным участием, 27–28 октября 2014 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. – С. 764–769.

Шкель Т. К выборам готовы // Российская газ.: Федеральный выпуск. – 2012. – № 5772(99). – 04.05.

65 руководящих постов в 30 основных федеральных госструктурах занимают чиновники из Санкт-Петербурга // Новая газ. – 2005. – № 73. – 03.10.

РwС: Россия – чемпион мира по коррупции / ИА «Финмаркет». – 2014. – 19.02. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/economics/article/3634434> (Дата обращения – 28.10.2016).

Buchanan A. Political legitimacy and democracy // *Ethics*. – 2002. – Vol. 112, N 4. – P. 689–719.

Buck A.D. Elite networks and worldviews during the Yel'tsin years // *Europe-Asia studies*. – 2007. – Vol. 59, N 4. – P. 643–661.

Credit Suisse Global Wealth Databook 2014 / Credit Suisse Research Institute. – Zürich, 2014. – Mode of access: http://economics.uwo.ca/people/davies_docs/global-wealth-databook-2014-v2.pdf (Дата обращения – 28.10.2016).

Dahrendorf R. *Society and democracy in Germany*. – Garden City; N.Y.: Doubleday&Company, Inc., 1969. – 457 p.

Eyal G., Townsley E. The social composition of the communist nomenklatura: A comparison of Russia, Poland, and Hungary // *Theory and society*. – 1995. – Vol. 24, N 5. – P. 723–750.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. – Lanham: Rowman& Littlefield Publishers, 2006. – 238 p.

Higley J., Lengyel G. Elite configurations after state socialism // *Elites after state socialism. Theories and analysis* / Ed. by J. Higley, G. Lengyel. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. – P. 1–21.

Keller S. *Beyond the ruling class: Strategic elites in modern society*. – N.Y.: Random House, 1968. – 354 p.

Kryshtanovskaya O., White S. Generations and the conversion of power in postcommunist Russia // *Perspectives on European politics and society*. – L., 2002. – Vol. 3, N 2. – P. 229–244.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // *Post-Soviet affairs*. – 2003. – Vol. 19, N 4. – P. 289–306.

Lane D. The Gorbachev revolution: The role of the political elite in regime desintegration // *Political studies*. – 1996. – Vol. 44, N 1. – P. 4–23.

Lijphart A. *Consociational democracy* // *World politics*. – Cambridge, 1969. – Vol. 21, N 2. – P. 207–225.

Podgorecki A. The Communist and Post-Communist Nomenklatura // *The Polish Sociological Review*. – 1994. – N 2. – P. 111–123.

Rao N. Representation in local politics: A reconsideration and some new evidence // *Political studies*. – 1998. – Vol. 46, N 1. – P. 19–35.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2006. – Vol. 58, N 6. – P. 903–924.

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian elite under Putin: Militocratic or bourgeois? // *Post-Soviet affairs*. – 2006. – Vol. 22, N 2. – P. 125–145.

Sartori G. *Representational systems* // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. by D.L. Sills. – N.Y.: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. – Vol. 13. – P. 465–474.

Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe // *Theory and society*. – 1995. – Vol. 24, N 5. – P. 615–638.

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The fate of nomenklatura elites // *Elites, crises, and the origins of regimes* / Ed. by M. Dogan and J. Higley. – Lanham; Boulder; N.Y.; L.: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. – P. 147–168.

Zhirinovskiy wants all-powerful tsar to rule over Russia // *The Moscow times*. – 2014. – 24.10. – Mode of access: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/zhirinovskiy-wants-all-powerful-tsar-to-rule-over-russia/507703.html> (Дата обращения – 01.10.2014).

Элиты в Германии: исторические изменения и актуальные вызовы

У. Хоффманн-Ланге

Аннотация. В статье анализируется воздействие социальных и политических изменений на развитие немецких элит, их структуру и менталитет. Особое внимание уделено объединению Германии в 1990 г. Этот опыт был уникален, поскольку имело место вхождение бывшей ГДР в прочно устоявшийся западногерманский демократический порядок, что повлекло за собой «трансфер элит».

Abstract. The article analyzes the impact of social and political change on the development of German elites, their structure and mentality since the early 20th century. Special attention is paid to the unification of Germany in 1990. It was unique, being achieved by the incorporation of the former GDR into the well-established West German democratic order, which resulted in considerable «elite transfer».

Ключевые слова: немецкие элиты, изменения в элитах, «трансфер элит», изменения режима, политический класс, профессионализация политики, политический протест.

Keywords: German elites, elite change, elite transfer, Regime change, political class, professionalization of politics, political protest.

Введение: общественные и политические перемены как двигатель элитных изменений

В Германии потрясения XX в. оставили глубокий след в политической и общественной жизни. За это время страна пять раз пережила смену политического режима. После проигранной Первой мировой войны на смену Германской империи пришла Веймарская республика. В 1933 г. национал-социалисты установили фашистский режим. Сокрушительное поражение немецкого рейха во Второй мировой войне и переход власти к войскам союзников (СССР, США, Великобритания, Франция) привели к полной утрате суверенитета страны. Последовало разделение Германии и отделение ее восточных районов, которые были частично присоединены к Польше, частично к Советскому Союзу. Западные союзники с 1945 по 1949 г. способствовали созданию в своей оккупационной зоне режима либеральной демократии и в итоге позволили летом 1949 г. образоваться Федеративной Республике Германии. Одновременно в Восточной Германии в условиях советской оккупации было учреждено коммунистическое государство с централизованным плановым хозяйством – Германская Демократическая Республика. В ноябре 1989 г. коммунистический режим в ГДР рухнул. После короткого переходного периода осенью 1990 г. последовало присоединение пяти земель ГДР и Восточного Берлина к ФРГ. В результате режим либеральной демократии был установлен и в Восточной Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.